

Винни Вит

Я не был монстром

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Винни Вит

Я не был монстром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72954137

SelfPub; 2025

Аннотация

Я – возмездие, которое вы все сами создали, позволив злу процветать.

Несколько минут мы просто вглядывались друг в друга. Она смотрела на меня полными сожаления глазами. В них читалась и боль, и ненависть, и понимание. Я принимаю каждую из этих эмоций. Я это заслужил. Пускай меня судят по заслугам, но уверен, что мои поступки многим облегчили жизнь.

– Изучив твое дело и послушав твою исповедь я поняла, что вижу перед собой не злодея. Я вижу просто уставшего от несправедливости человека, который решил бороться со злом своим способом. Мне искренне жаль тебя, но за свои поступки тебе в любом случае придется ответить. – Роза встала и направилась к выходу, взяв документы со стола. – Надеюсь многие, послушав твою историю станут лучше. – Бросила она напоследок и вышла из помещения.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Винни Вит

Я не был монстром

Пролог

Я открываю глаза и пытаюсь пошевелиться. Блять, руки тесно связаны. Предпринимаю несколько попыток освободиться, но все тщетно. Решаю осмотреться. В комнате горит приглушенный свет, вокруг нет ни одного окна, только массивная железная дверь. Передо мной стоит стол с какими-то документами. Я – труп...

Неожиданно дверь открывается и в комнату заходит человек. Я опускаю голову – не желаю даже смотреть на нее! Моя миссия закончена, бороться дальше не имеет смысла.

Девушка садится напротив меня, открывая увесистую на вид папку с документами. Оставшиеся минуты жизни я проведу не лучшим образом. Я ухмыляюсь своим мыслям.

– Должна признать, Дима, ты хорошо скрывался, мы не могли угнаться за тобой несколько лет. Скажи, зачем все это? Я читала твое досье и сделала свои выводы, но хотелось бы услышать и твое слово. – Она замолчала и пристально посмотрела на меня.

– Судный день все равно когда-нибудь бы настал, дак чего

оттягивать? – Я поднимаю свой взгляд на Розу. – Знаешь, в самые трудные моменты я всегда обращался к богу, я просил, нет, я молил его о лучшей жизни, но этот козел вечно пренебрегал моими жалобам. Поэтому я взял все в свои руки!

– И теперь тебя тоже ждет расплата. Разве оно стоило того? – Я смеюсь.

– Меня не судят за те преступления, которые я совершил. Меня судят за то, что я посмел стать судьей. В их глазах я – маньяк, чудовище. В своих же я был палачом, который выносил приговоры там, где их система безмолвствовала или отворачивалась. Это началось не с ненависти. Это началось с беспомощности. Самые ранние воспоминания – это запах страха. Страх слабого перед сильным. – Я говорил искренне, ничего не придумывая. Мне уже нечего терять. – Я видел, как старшие отпрыски отбирали у младших игрушки, а взрослые говорили: «Разберутся сами, это же дети». Я видел, как отец соседки, пьяный и злой, орал на нее, а полиция, приехав на вызов, разводила руками: «Внутрисемейный конфликт». Они уезжали, а на следующее утро у женщины под глазом вырисовывался синяк. Миру было наплевать. Всем было наплевать. Система защищала не людей, а порядок. Он был прост: кто сильнее, тот и прав. А я видел последствия. Я видел сломанные взгляды жертв, съедающую их изнутри боль. Они не жили, они существовали в тени своего насильника. А их губители процветали. Ходили на свободе, улыба-

лись, строили новые жизни поверх руин тех, кого уничтожили. – Я на секунду замолчал. – Во мне что-то сломалось. Если закон не может восстановить справедливость, если он не видит разницы между жертвой и насильником, значит, он – соучастник. Значит, справедливость – это пустой звук. Или... или ее кто-то должен вернуть. Взять этот тяжелый меч правосудия, который система уронила из своих ослабевших рук. В первый раз это вышло случайно. Какой-то ублюдок издевался в подворотне над девушкой. Я не планировал. Это было... инстинктивно. Как прихлопнуть ядовитого паука. Никакой ярости, только методичная необходимость. После меня не тошнило. Не бросало в дрожь. Была только странная, оглушающая тишина. Затишье после продолжающегося долгое время шума. Шума его голоса, его смеха, который я слышал. И в этой тишине я понял: я могу это делать. Я могу убирать их. Одного за другим. Я не убивал людей. Я уничтожал болезнь. Я был хирургом, вырезающим раковую опухоль из тела общества. Я находил их. Тех, кто годами терроризировал свои семьи. Тех, кто насиловал и откупался. Тех, чья жестокость была для них развлечением. Я изучал их, узнавал их маршруты, их привычки. Я был тенью, которая настигает их в самый неожиданный момент. Я становился таким же монстром, как и они? Возможно. Но есть разница. Их жестокость была бессмысленной, ради удовольствия. Моя – инструментом. Целенаправленным актом очищения. Я брал на себя их грех, чтобы искупить грехи перед их жертвами. Я

спал спокойно, потому что знал: где-то одна женщина больше не вздрагивает от шагов за дверью. Где-то один ребенок спит, не зная страха. – Я попытался отдышаться после своей длительной исповеди и подвел итог. – Я знаю, что меня не поймут. Скажут, что я возомнил себя Богом. Но я не Бог. Бог безмолвствовал. Я стал тем, кого этот мир породил своей слепотой. Я – следствие. Я – возмездие, которое вы все сами создали, позволив злу процветать.

Несколько минут мы просто вглядывались друг в друга. Она смотрела на меня полными сожаления глазами. В них читалась и боль, и ненависть, и некое понимание. Я принимал каждую из этих эмоций. Я это заслужил. Пускай меня судят по заслугам, но уверен, что мои поступки многим облегчили жизнь.

– Изучив твое дело и послушав твою речь я поняла, что вижу перед собой не злодея. Я вижу просто уставшего от несправедливости человека, который решил бороться со злом своим способом. Мне искренне жаль тебя, но за свои поступки тебе в любом случае придется ответить. – Роза встала и направилась к выходу, взяв бумаги со стола. – Надеюсь, многие, ознакомившись с твоей историей, станут лучше. – Бросила она напоследок и вышла из помещения.

Глава 1

Сегодня я снова чувствую это жжение в груди. То самое, что не даёт мне спать по ночам. Все они думают, что я монстр. Но кто сделал меня таковым?

Я научился ненавидеть раньше, чем внятно читать вслух без заиканий. Моим учебником стал наш панельный дом, а уроками – приглушённые слоем бетона звуки за стеной.

Помню тот вечер с кристальной ясностью. Я сидел на кухне и раскрашивал дракона, когда снова началось оно. Сначала – резкий хлопок двери соседа, дяди Серёжи. Потом – его голос, низкий, как ворчание зверя в берлоге. Разобрать слова было нельзя, но интонацию не спутать ни с чем. Это был звук абсолютной власти, смешанной с презрением.

Я замер. Рука с карандашом застыла в воздухе. Мама, мывшая посуду, почти сразу выключила воду. Её спина напряглась. Мы оба прислушивались. Это был наш ночной ритуал.

За стеной послышался тихий, умоляющий голос тёти Гали. Потом удар. Такой, от которого сжимались все внутренности. Ещё удар. И слабый плач, который никто не услышит. Наверное, они так думали.

– Мам, – прошептал я, – а почему мы не позвоним в полицию?

Мама обернулась. На её лице была усталость, которую я не мог понять в десять лет. Усталость от чего-то большего, чем просто работа. – Потому что, сынок, это не наши дела. Потому что она потом скажет, что сама упала. А дядя Серёжа... он может сделать хуже и нам.

«Не наши дела». Эта фраза въелась в меня как ржавчина. Значит, можно творить зло, если тебя боятся? Значит, стена – это не только бетон, это граница, за которой кончается чья-то ответственность?

На следующее утро я увидел тётю Галю в лифте. Она пыталась скрыть гематому под глазом слоем тонального крема, но она проступала желтоватым пятном. Женщина натянуто улыбнулась, но будто знала, что я почувствую ее фальшь, потрепала по волосам. – Всё хорошо, Дим, всё хорошо.

Конечно же эти слова – ложь. И я это видел. Я видел, как её рука дрожала, когда она нажимала кнопку первого этажа. В тот миг я понял ещё одну страшную вещь: взрослые врут. Они врут, чтобы не пугать таких, как я. И они врут, потому что бессильны.

Это открытие не было единичным. Школа стала продолжением подъезда. Там был свой дядя Серёжа – старшеклассник Стёпа, который отбирал деньги у малышей. Учителя знали про это, отдавали предпочтение делать вид, что не замеча-

ют. «Разберитесь сами, мальчики, вы же мужчины». А Стёпа после подобных разговоров бил «мужчин» ещё сильнее, упиваясь своей безнаказанностью.

Мир делился на две породы людей: тех, кто бьёт, и тех, кого бьют. Волков и овец. И система, все эти взрослые с их правилами и законами, охраняла не овец, а территорию, на которой волки могли безнаказанно охотиться. Главное – делать это без лишнего шума, чтобы не нарушать видимость порядка.

Я лежал ночью и смотрел в потолок, слушая, как за стеной снова воцарялась та самая зыбкая тишина. И в моей голове, медленно, как кристалл, росла холодная, твёрдая мысль: если система не работает, если она защищает зло, значит, кто-то должен работать вне её. Если закон безмолвствует, значит, справедливость должна найти другой голос.

Я не знал тогда, чей именно. Я был всего лишь ребёнком. Но семя было посажено. И поливали его каждый вечер звуки за стеной — приглушенные удары, шёпот страха и оглушающее, наглое молчание всего мира.

Сегодня всё должно было измениться. Я понял это, как только проснулся. Не было никакого особенного чувства, просто железная уверенность внутри, как гладкий камень с выточенными заостренными краями, затаившийся на дне

ручья. Сегодня я не буду убегать.

В школе были те, кто делал жизнь других мальчишек адом. Лидер – Степа, рыжий и веснушчатый, с постоянной ухмылкой. Он не был самой значимой фигурой, но за этим парнишкой всегда ходили по пятам еще двое хулиганов с похожими целями. Их тройка казалась неодолимо сильной.

Обычно я старался быть невидимкой. Прижимался к стенам, выбирал длинные пути в обход, лишь бы не встретить их компашку. Но сегодня я шёл прямо, ровно глядя перед собой. В кармане моей куртки лежал тяжёлый старый свинцовый солдатик, которого я нашёл в гараже. Я не собирался его использовать. Он был просто талисманом, доказательством того, что я что-то предпринял, что я не безоружен хотя бы в собственных мыслях.

Они поджидали меня на перемене, возле столовой. Рома, один из прихвостней, выступил вперёд, загородив дорогу.

– Ну что, ботаник, что принёс? Деньги есть? – его ухмылка привычно растянулась.

Раньше у меня перехватывало дыхание, ноги становились ватными. Сегодня же я посмотрел ему в глаза. Взгляд надменный, но пустой.

– Нет, – сказал я тихо, но чётко. – И не дам.

Ухмылка сползла с его лица. Он не ожидал этого. Его приятели переглянулись.

– Что-о? – Рома сделал шаг ко мне, пытаясь грозно навис-

нуть. – Повтори!

Я не отступил. Я чувствовал, как солдатик в кармане давит мне на ладонь.

– Я сказал – нет. Отстань.

И тогда он толкнул меня в плечо. Это был несильный толчок, но решающий многое для меня, мальчишки, который впервые решился идти против устоев медленно гниющего окружения. Внутри что-то взорвалось. Не ярость, а какое-то проясняющее сознание безумие. Я не стал драться по правилам. Я не стал бить кулаками. А я с прыжка, со всей дури, ударил его головой в нос.

Раздался хруст. Не такой эффектный, как в кино, а вязкий, влажный. Рома взвыл не своим голосом и схватился за лицо. Из-под его пальцев просочилась струйка крови. Его приятели замерли в ошеломлении. Они привыкли к покорности, к страху. Они не были готовы к тому, что тихий мальчик мог решиться на подобный поступок. Но на что не пойдет человек, чувствующий себя загнанным в угол зверем.

Я стоял, тяжело дыша, глядя на пацана. Я не чувствовал ни победы, ни радости. Только ту самую каменную уверенность.

– Больше не трогай меня, – сказал я, и голос мой не дро-

жал. – И никого больше. Понял?

Оставшиеся двое старшекласников не ответили. Они просто повели покалеченного товарища в медпункт, бросая на меня неоднозначные взгляды.

Весь остаток дня на меня смотрели по-другому. Не с жалостью, а с любопытством и... страхом? Я не стал героем. Я стал опасностью. Кем-то чужим.

По дороге домой я вынул солдатика из кармана и бросил его в канализационный сток. Он больше не был мне нужен. Я усвоил главный урок: сила не в мускулах и не в свинцовой игрушке. Сила – это готовность сделать больно тому, кто хочет сделать больно тебе. И желательно сделать это первым. Не для того, чтобы победить, а для того, чтобы больше никогда не жить в страхе.

Дверь в квартиру я закрыл бесшумно. Впервые за долгое время из-за стены не доносилось ни звука. Лишь тишина. И в этом отсутствии звуков я осознал, что недавно перешёл черту. Это было страшное и одинокое чувство. Но лучше одиночество, чем постоянный, унижительный страх.

Мне было семнадцать. Из школы я шёл с учебником обществознания. Мы проходили раздел «Право и правосудие». Учительница воодушевлённо рассказывала о важности зако-

на, о том, что он – основа цивилизованного общества. У меня в рюкзаке лежал конспект с аккуратными тезисами: «Закон защищает слабых», «Правовое государство гарантирует безопасность». Я верил в это. Почти.

Вечер был промозглый, октябрьский. Я уже свернул в свой двор, как из мрачной подворотни между пятиэтажками донёлся странный звук. Не крик, а сдавленный, животный стон, полный такого унижения и страха, что у меня по спине пробежал холодок. И грубый, хриплый мужской голос:

– Молчи, стерва, всё равно никто не придёт.

Инстинкт, выдрессированный годами жизни здесь, сжал меня изнутри: «Иди дальше. Это не твои проблемы. Сейчас придёшь домой, включишь компьютер, и всё это забудется, будто дурной сон». Но ноги сами понесли меня вглубь подворотни. В нос ударил запах влажного, замшелого кирпича и перегара.

Он был один. Крупный, плечистый мужик лет сорока, в потрёпанной куртке. Он прижимал к стене хрупкую темно-волосую девушку. Одной рукой зажимал ей рот, другой рылся в кармане её куртки. Её глаза, огромные от ужаса, смотрели прямо на меня. В них не было надежды. Только паника и знание того, что спасения может не быть.

Я замер. В горле встал ком. Я не был бойцом. Я был «ботаником», который лучше всех знал параграфы из учебника об общественном договоре.

Мужик, заметив мою тень, обернулся. Лицо перекосило раздражение, нарастающее в злобу.

– Пошёл отсюда, щенок! Не твоё дело!

Девушка издала новый звук безнадежности.

И в тот миг что-то щёлкнуло. Все эти строки о справедливости, о законе – они рассыпались в прах. Я увидел простую, уродливую правду: закона здесь нет. Есть только сила. Или беспомощность.

Холод заполнил меня всего. Чистый, ясный, не дающий эмоциям взять контроль над разумом. Я не думал о последствиях. Не чувствовал страха. Просто действовал.

В моей руке не было оружия из боевиков. Но в кармане куртки лежал тяжёлый стальной зажим для бумаг, который я использовал как пресс-папье для конспектов. Обычная безделушка.

Я не сказал ни слова. Просто шагнул вперёд и со всей ду-

ри, коротким, резким движением, вогнал острый край зажима ему в основание черепа.

Раздался глухой, влажный звук. Не крик, не хруст – просто звук. Его тело обмякло и грузно осело на землю. Мужик умер. Я это понял сразу. Не было ни судорог, ни хрипов. Просто... тишь.

Я посмотрел на девушку. Она вся дрожала, прижимаясь к стене, не в силах оторвать взгляд от все еще теплого тела.

– Иди, – сказал я. Голос мой был ровным, неестественно чужим. – Забудь. Тебя здесь не было.

Она кивнула и пулей вылетела из подворотни.

Я остался один на один с окружением. С телом. С тишиной. С окровавленным зажимом в руке. Я посмотрел на инструмент. Капля крови упала на мой кроссовок. Я вытер зажим о штанину и сунул в карман.

Потом развернулся и пошёл домой. Шаг за шагом. Мир вокруг был невероятно чётко. Я видел каждую трещину на асфальте, каждый след дождя на ржавой решётке.

Дома я закрыл дверь своей комнаты. Сел за стол. Передо

мной лежал раскрытый учебник по обществознанию. Глава «Право и правосудие». Я медленно, очень аккуратно, вырвал из тетради исписанную страницу, смял её и выбросил.

Правосудие, о котором я читал, было лишь красивой сказкой. Настоящее правосудие – тяжёлое и холодное. И оно помещалось в кармане куртки.

Я больше не был тем мальчиком, который верил в прописанные в учебнике буквы. Я стал тем, кто сам решает, что справедливо. И это знание было страшным. И абсолютно освобождающим.

Прошло много лет. Не подвергавшаяся сомнениям уверенность, что родилась в школьном коридоре, выросла и окрепла, как стальной каркас, выстроенный внутрь меня. Я похоронил мальчика, бросающего солдата в сток. Теперь я понимаю: настоящее оружие – не в кармане, а в голове. И в готовности использовать его без колебаний.

За первое убийство мне ничего не было, не помню, как, но я сделал все грамотно. В итоге я получил диплом юриста, но не для того, чтобы носить строгий костюм и толкать речи в суде. Закон стал для меня картой, на которой я отмечал

болота, где разводилась грязная несправедливость. Моя настоящая работа началась в съемной однушке на городской окраине, превращенной в операционный центр.

На стене висела доска. Не для маркеров с задачами, а для лиц. Фотографии, вырезки из газет, распечатки постов из соцсетей. Мои «дела». Я не искал их. Они сами всплывали, как мусор, который мир предпочитал не замечать.

Первый. Не дядя Серёжа. Это было бы слишком очевидно. Первым стал Виктор Семёнов, владелец строительной фирмы. Его компания возводила хрущёвку, которая обрушилась из-за несоблюдения параметров, указанных в чертежах. Погибло двое рабочих. Суд нашёл «стрелочника», а Семёнов давал интервью, упиваясь своей ролью «спасителя», который «помог семьям погибших».

Ветер гнал по асфальту жухлые листья, шуршащие, как старая калька. Виктор Семёнов вышел из сауны, и пар клубами вырвался вслед за ним в холодную ночь. Его лицо, распаренное и довольное, было освещено тусклым светом фонаря. Он потягивался, похлопывая себя по округлому животу, беззаботно и громко разговаривая по телефону. Обрывки фраз долетали до меня, замерзшего в тени старой акации: «...да всё улажено... семье чек передали... живут, не тужат...». Его голос, густой, пропитанный хорошим конья-

ком и чувством полной безнаказанности, резал тишину.

Я не чувствовал гнева. Только холод. Такой же острый и безжизненный, как лезвие ножа.

Подготовка заняла две недели. Четырнадцать дней наблюдения, превративших живого человека в набор привычек, в алгоритм. Я стал его тенью, невидимым архивом его перемещений. Дом на Октябрьской, офис в стеклянной высотке, дорогие рестораны, где он затыкал рот тем, кому нужно было заткнуться. И – сауна «У Александра». Его личный ритуал очищения. Каждый четверг, в 20:00, одна и та же парковка, пустующая после семи вечера. Он был существом привычки, а привычка – смертельный враг.

За три дня до этого, под прикрытием ночи, когда его машина стояла у ресторана, я прикрепил устройство. Магнитная «гусеница» с емкостью химического воспламенителя, активируемая по радиоканалу. Просто, надежно, без следов. Я работал медленно, в тонких латексных перчатках, ощущая не напряжение, а странную, почти медитативную сосредоточенность. Я был механиком, готовящим деталь. Эта деталь носила имя Семёнова, смеялась его наглым смехом и говорила его лживыми словами о «спасении» после халтурной стройки.

Сейчас я стоял в сотне метров, наблюдая в мощный компактный бинокль. Мои пальцы дрожали. В кармане куртки лежал одноразовый телефон, купленный за наличные в другом городе. Единственный контакт в памяти – номер активатора. Оружие не было нужно. Оружием была сама его машина, его привычка, его самоуверенность.

Он закончил звонок, швырнул телефон на пассажирское сиденье и устроился за рулем. В салоне зажегся свет, и я увидел, как он настраивает радио, лениво перебирая кнопки. На его лице все еще играла улыбка. Он чувствовал себя королем в своей железной крепости.

Я вынул мобильный. Экран осветил нижнюю часть моего лица холодным синим светом. Никаких эмоций. Только действие. Я представил не его лицо, а лица тех двоих, чьи имена уже стерлись из новостей. Представил пустоту, которую он оставил, и свой долг – стать ответом на эту пустоту. Не справедливостью – её здесь не было. Балансом.

Нажатие на кнопку.

Сначала ничего не произошло. Мир замер на долю секунды. Потом из-под днища его внедорожника вырвался не взрыв, а резкий, яростный хлопок, приглушенный металлом и землей. Будто гигантская внутренность машины содрогну-

лась в конвульсии. Следом стал виден огонь – не ослепительная вспышка, а быстрое, жадное полыхание, которое мгновенно нашло себе пищу в обивке, пластике, в самом воздухе, пропитанном парами бензина.

Пламя поглотило салон за считанные секунды. Стекло лопнуло, но крика я не услышал. Был только рев природного бедствия, низкий и мощный, и треск лопающегося металла. Оранжевое зарево отплясывало на стволе моей акации, на покосившемся заборе.

Я не отводил глаз. Наблюдал. Как инструмент должен наблюдать за результатом своей работы. Не было торжества. Не было ужаса или отвращения. Была лишь глубокая, всепоглощающая тишина внутри меня. Та самая тишина, что воцарилась в голове после того удара головой Роме. Та самая тишина, что наступает после того, как долгий, невыносимый шум наконец прекращается. Шум его голоса, его оправданий, его лживого самодовольства – стих.

Через несколько минут вдалеке взвыла сирена. Пора было уходить. Я стер отпечатки с бинокля, разобрал его, положил в рюкзак. Телефон-активатор я не стал уничтожать сразу – это нужно было сделать позже, в другом месте, другим способом.

Я растворился в переулках, двигаясь неторопливо, но без промедления. Сердце билось ровно. На языке не было прикуса мести – только слабое послевкусие кофе, выпитого несколько часов назад.

Наутро, сидя за своим обычным завтраком, я смотрел местный новостной канал. Диктор с деловым видом сообщал о «трагической случайности» – внезапном возгорании автомобиля предпринимателя Виктора Семёнова. Вероятная причина – неисправность топливной системы. Расследование продолжается.

Я отпил из чашки. Напиток был обычным. Ничуть не горче, ничуть не слаще.

Вернувшись в свою квартиру, я подошел к большой пробковой доске, висевшей на стене в кабинете. На ней были газетные вырезки, фотографии, связанные стрелочками и нитями. В центре – лицо Семёнова, улыбающееся с интервью после суда.

Я взял красный перманентный маркер. Ровно, без дрожи, провел жирную линию через его ухмыляющееся лицо. От левого виска к правому углу рта. Крест.

Первый долг был выплачен. Безмолвие внутри подтвер-

ждало это. Я отложил маркер и взглянул на другие фотографии на доске. Достаточно объектов, требующих устранения.

Второй. Она не была монстром. Монстр – это простое понятие, он виден. Судья Елена Орлова была тенью. Тонкой, ледяной тенью, гниющим стволом системы. Её «Недостаточно доказательств» звучали как стук судейского молотка, обрекавшего на смерть. Он не просто отпускал насильников – он возвращал их в дома к жертвам с официальным штампом безнаказанности. Один такой штамп привел к тому, что женщину нашли в ванной с разможенным черепом. Муж, вышедший из зала суда Орловой, улыбался. Его адвокат благодарил судью за «профессионализм и взвешенность».

Убивать её было бы слишком просто. Слишком... лично. Я не хотел становиться палачом для одного человека. Я хотел стать архивистом. Тем, кто выставляет на свет все гнилые скелеты в шкафу. Я хотел, чтобы сама её жизнь, её карьера, её лживое благополучие стали орудием её уничтожения.

Наблюдение за Орловой было иным. Она вела замкнутый, почти аскетичный образ жизни. Дом – работа – загородная дача. Ни саун, ни любовников, никаких очевидных слабостей. Она была крепостью. Но крепости падают не всегда от прямого штурма. Иногда достаточно найти потайную дверь и отпереть её изнутри.

Её слабостью была не плоть, а уверенность. Уверенность в своей неуязвимости. В своей чистоте. Она видела себя не судьей, а жрицей Фемиды, неподкупной и слепой. Это и была её ахиллесова пята.

Я начал с периферии. Её окружения. Секретарша, вечно задерганная, с дорогой сумкой, купленной на скромную зарплату. Племянник, мелкий бизнесмен, чья фирма-однодневка неожиданно выигрывала тендеры на поставки для суда. Её бывший муж, уехавший за границу с подозрительно крупной суммой.

Потом – цифровая тень. Её домашний Wi-Fi был защищен паролем «Femida1972». Почти оскорбительно. Я получил доступ не ради взлома, а для наблюдения. Я стал цифровым призраком в её сети. Видел, какие сайты она посещает (дорогие бутики, заказы элитного чая), какие письма пишет. Но это была лишь поверхность.

Настоящая добыча ждала в другом месте. Через уязвимость в ПО, которое использовал её племянник, я получил доступ к его облачному хранилищу. Среди фотографий отпуска и сканов договоров лежали сканы других документов. Расписки. Выписки со счетов. Фамилия Орловой там не фигурировала, но фигурировали названия фирм и цифры, ко-

торые вели напрямик к ней. Это был первый кирпич.

Следующий этап требовал физического присутствия. Её загородный дом. Система безопасности была показушной, для галочки. В ночь, когда она заседала на каком-то официальном приеме, я вошел внутрь. Целью был не сейф (его взлом оставил бы следы), а её личный ноутбук. Старый, но надежный. Она доверяла ему больше, чем служебному.

Установка шпионского ПО заняла считанные минуты. Но я также подключил устройство, позволяющее в нужный момент скопировать весь жесткий диск удаленно, по команде.

За неделю программа собрала всё: черновые варианты решений по «особым» делам с пометками от неизвестных номеров, доступ к зашифрованному почтовому ящику на сервере в Литве, полную бухгалтерию её двойной жизни. Я видел, как беспристрастная Фемида в мантии превращалась в жадную, расчетливую торговку человеческими жизнями. Цены были указаны. Иногда деньгами, иногда услугами.

Я не писал разоблачительных писем в газеты. Это создавало бы шум, давало ей время на контратаку. Мне нужен был неумолимый механизм государства, который она же и обслуживала. Я стал редактором. Отфильтровал тонны цифрового мусора, оставив только кристально чистые, неопровержи-

мые улики: сканы документов, расшифровки переговоров, цепочки переводов. Я собрал их в единую, логичную записку, как сценарий фильма, где главная злодейка была очевидна.

Затем – доставка. Я не стал использовать почту или интернет. Я выбрал старомодный способ, который вызывает больше всего доверия у определенных структур: флеш-накопитель в конверте. Но не отправленный, а чтобы подбросить. Выходя из зала суда после очередного «оправдательного» приговора, Орлова, улыбаясь, прошла к своей машине. В сумке у неё уже лежал конверт. Его положил туда мой «подсадной» – подросток-курьер, столкнувшийся с ней в дверях и вежливо извинившийся. Конверт был адресован не ей, а высокопоставленному следователю прокуратуры. Но её имя было выведено на лицевой стороне крупными буквами. Рефлекс заставил её схватить конверт и сунуть в сумку, чтобы разобраться без свидетелей.

Я наблюдал за этим через объектив камеры с другого конца парковки. Её лицо, когда она вскрыла конверт в машине и увидела начало документа, было шедевром. Улыбка замерла, затем стекленеющий ужас медленно пополз по её чертам, смывая маску уверенности. Она не была больше жрицей. Она – крыса, загнанная в угол.

Последующие два дня я следил удаленно. Паника была тотальной. Она металась между домом, дачей и банком, пытается спасти то, что уже было обречено. Я видел, как она в панике стирала файлы, жгла бумаги в камине. Но это не имело значения. Копии уже были разосланы тем, кому нужно. Механизм проверки запущен.

Финальный акт произошел без моего прямого участия. Она была на даче, пытаясь достать папку с самыми старыми, самыми смертоносными документами с верхней полки массивного шкафа. Полка была высокой. Под ногами – шаткая старинная табуретка. В её голове – хаос из страха, стыда. Рука дрогнула. Табуретка качнулась.

Хлопок упавшего тела и хруст уловил скрытый микрофон, который я установил неделей ранее. Потом – тишина. Более глубокая, чем та, что наступила после взрыва машины Семёнова. Это была тишина полного краха, самоуничтожения. Официальная версия – несчастный случай. Неофициально – самоубийство от страха перед окончательным разоблачением.

Я не прикоснулся к ней. Я даже не был в том же городе. Я просто аккуратно вытащил из сложной, лживой конструкции её жизни один, казалось бы, незначительный кирпичик – иллюзию тайны. И вся стена, всё её благополучие, её ста-

тус, её лицемерная праведность – рухнули под собственной тяжестью.

На следующее утро я рано встал, заварил кофе. В новостях кратко сообщили о трагической гибели судьи Орловой. Без подробностей. Шум её падения был приглушенным, бюрократическим.

Я подошел к своей доске. Её фотография – официальный портрет в мантии, строгое, непроницаемое лицо. Я взял красный маркер. Перечеркнул. Крест на этот раз получился идеально ровным.

Инструмент сработал безупречно. Не как молот, а как лазер. Отсутствие звуков внутри меня утвердилось. Это был верный путь.

Я разработал собственную систему. Я был не маньяком, а хирургом. Я вырезал раковые клетки, которые всеобщая система игнорировала. Моими целями становились те, чья вина была очевидна, но безнаказанность – абсолютна.

Объект №4: Олег Петров. Отбыл два года в местах лишения свободы за смертоносное ДТП в пьяном виде. Вышел по УДО и через месяц, на той же машине, сбил насмерть пенсионерку. Суд снова признал «случайностью». Я устроил

«несчастный случай» в его же гараже. Утечка выхлопных газов. По иронии, он умер так же, как его жертвы – от адских мучений.

Объект №7: Ирина Белова. Руководитель агентства по опеке. За взятки передавала детей в жестокие семьи. Я изучил её маршрут. Тормозные шланги на её внедорожнике были аккуратно подпилены. Машина не вписалась в поворот. Следователи позже нашли сейф с наличными. Её репутация рухнула уже после смерти.

Город за окном жил своей шумной, слепой жизнью. Я наблюдал за ним, как врач наблюдает за строкой пульса на мониторе – отстранённо, видя лишь показатели, скрытые под кожей. Моя «практика» продолжалась. Доска искрилась красными линиями, словно карта кровеносной системы некоего гигантского, больного организма. Каждый перечёркнутый портрет был удалённой метастазой.

Но рак всегда возвращается. Мутирует. И вновь пытается сгубить организм.

Новой целью стал человек по имени Артём Круглов. Он не был жестоким мужем или коррумпированным чиновни-

ком. Он был владельцем сети частных хостелов для мигрантов. Снаружи – респектабельный бизнесмен, спонсор благотворительных фондов. Внутри – современный рабовладелец. Он завлекал людей обещаниями работы, отбирал документы, селил их в антисанитарных подвалах и заставлял работать за еду и крышу над головой. Те, кто пытался сопротивляться, исчезали. Полиция разводила руками: «Внутренние разборки. Нет заявителей».

Круглов был умнее своих предшественников по несчастью. Он никогда не появлялся в своих «общежитиях» лично. Всё через подставных лиц. Его личная охрана была безупречна. Он жил в пентхаусе с панорамными окнами, словно нарочно выставляя свою неуязвимость напоказ.

Мужчина был вызовом. Проверкой моих методов.

Я потратил месяц, изучая его. Не его распорядок, а его бизнес. Его слабым местом оказалась не физическая безопасность, а его жадность. Он воровал у своих же рабов, прикармливая часть их и без того мизерных заработков через подконтрольные фирмы-прокладки.

Я решил не убивать его. Это было бы слишком милосердно. Я решил уничтожить его дело. Ту самую империю безнаказанности, которую он выстроил.

Через цепочку анонимных электронных писем, шифров и подброшенных флешек я направил внимание одного очень влиятельного и ярого, ненасытного до богатств конкурента Круглова на его финансовые схемы. Жадный человек видит жадность другого лучше любого сыщика.

Началась жестокая война между двумя подпольными империями. Деловые партнёры Круглова один за другим отворачивались от него. Пошли аресты счетов. А потом случилось то, чего я и ожидал: его собственные «охранники», поняв, что корабль тонет, решили сорвать куш и исчезнуть. Они ворвались в его пентхаус, чтобы вынести ценности.

Я наблюдал за этим через мощный объектив с крыши соседнего здания. Я видел, как Круглов, этот король подполья, метался по своей стеклянной клетке, размахивая руками. Я видел, как один из его же охранников, тот, кто годами терроризировал беззащитных, толкнул его.

Тело Артёма Круглова проломило панорамное окно и полетело вниз с третьего этажа. Падение было стремительным и молчаливым. Не было ни взрыва, ни возмездия в темном переулке. Только звон бьющегося стекла и глухой удар о землю, который я не услышал, но почувствовал всеми фибрами души.

В новостях сказали: «Бизнесмен покончил с собой на почве финансовых неудач». Никто не вспомнил о тех, кто исчез в его подвалах.

Вернувшись домой, я подошёл к доске. Фотография Круглова уже была перечёркнута. Но на сей раз я не чувствовал ничего. Ни удовлетворения, ни пустоты. Лишь усталость. Я подошёл к зеркалу в прихожей и посмотрел на своё отражение.

Из стекла на меня смотрел не мальчик, не студент, не мститель. Смотрел мужчина с пустыми глазами. В них не было ни злобы, ни страсти, ни даже той самой холодной уверенности. Была лишь серая плоскость. Я видел в его глазах то, что видели в моих Рома и тот подонок в свои последние мгновения – абсолютное, безразличное ничто.

Я стал тенью. Но тень не может существовать без света. А мой внутренний свет, та самая ярость от несправедливости, что когда-то горела в груди, давно потух, оставив после себя лишь пепелище. Я больше не испытывал ненависти к волкам. Я сам стал волком, который охотится на других волков. Я стал частью той самой системы хищников, которую поклялся уничтожить.

Я отвернулся от зеркала. Моя рука потянулась к доске, чтобы прикрепить следующую фотографию. Следующую бо-лезнь. Следующую метастазу.

Это случилось в субботу. Мама позвонила, голос ее был усталым, но пыталась казаться бодрой: «Сынок, заходи, если время есть. Пирог испекла». Я согласился. Не из сыновьей нежности – эта часть меня давно онемела, – а из чувства долга. И, возможно, из тайного любопытства. Я хотел увидеть, изменилось ли что-нибудь.

Ничего не изменилось.

Запах вкусной выпечки в маминой квартире смешивался с запахом старой мебели и тихого отчаяния. Она говорила о работе, о соседях, старательно избегая одного имени. Но оно витало в воздухе, как призрак. И вот, сквозь стену послышался знакомый, ненавистный звук. Оглушительный хлопок двери. Потом – грубый, пьяный голос дяди Серёжи. Нечленораздельное рычание.

Мама замолкла, ее глаза потухли. Та самая усталость, которую я видел в детстве, легла на ее лицо тяжелой маской.
– Он... он всё тот же, – тихо прошептала она, отводя

взгляд. – Галя в больнице. Спину себе повредила, «упала», говорит.

Внутри меня ничего не взорвалось. Не было ярости. Было что-то гораздо хуже – леденящее, абсолютное подтверждение. Мир не менялся. Система работала как часы, защищая его, этого озверевшего, ничтожного человека. Все мои «операции», все эти вычеркнутые лица на доске – всё было бессмысленно, пока у самого моего порога продолжал существовать этот первородный, не тронутый возмездием грех.

Холод внутри сменился тяжестью. Решением. Оно было неизбежным, как падение камня. Он был моим первым уроком. И он станет одним из моих личных дел.

Я не стал планировать. Не стал изучать его маршруты, искать уязвимости. Это была ошибка. Но я уже не мог мыслить как хирург. Я снова стал тем мальчиком за стеной, который слушал удары и плач. И этот мальчик требовал не отесанного нормами морали жестокого и грубого правосудия.

Я дождался ночи. Он, как всегда, возвращался из бара. Темный переулок между гаражами. Идеальное место. Я вышел из тени, когда он, покачиваясь, искал в кармане ключи.

Он увидел меня и на мгновение замер. Его мутные глаза

попытались узнать лицо.

– Ты чё, еблан? – просипел он, делая шаг ко мне, заноса руку для удара. Старый, привычный и отточенный множественно раз жест.

Я не стал ничего говорить. Не было монолога или обвинений. Я просто двинулся навстречу. Быстро, эффективно. Я схватил его за горло, прижал к ржавой стене гаража. В его глазах мелькнул не страх, а удивление. Он не ожидал такой силы и стремительности.

Но я недооценил пьяную животную живучесть. Сосед извернулся, его нога наступила мне на ботинок, он рванулся, и моя рука соскользнула. Вместо чистого, беззвучного удушения, я с силой ударил его головой о металлический угол гаражного козырька. Глухой, костяной стук. Он осел на землю, сопровождаемый едва слышимым шорохом одежды.

Я стоял над ним, тяжело дыша. Не от усилия, а от осознания. Это было не чисто. Это было грязно, эмоционально, примитивно. Я наклонился, чтобы проверить пульс. Его не было.

И тут я услышал звук. Тихий вскрик. Я обернулся. В окне первого этажа соседнего дома стояла женщина, прижимая

к груди маленькую собачку. Она смотрела на меня широко раскрытыми от ужаса глазами. Наш взгляды встретились на долю секунды. Потом она резко дернула за шнур, и окно погрузилось во тьму.

Дерьмо.

Адреналин ледяной волной пронзил казалось бы непоколебимую уверенность. Я действовал на автомате. Обыскал карманы, подстроив ситуацию под мотив ограбления. Выбросил телефон и вытер кровь с его кожи и одежды. Но было поздно. Она увидела меня. Не тень, не призрака. Человека. Мое лицо, мою фигуру.

Я скрылся с места, как и сотни раз до этого. Но на этот раз за мной тянулся незримый шлейф. Шлейф человеческой ошибки.

На следующий день я, как ни в чем не бывало, пошел в свой офис. Но мир уже изменился. По городу были расклеены ориентировки с размытым, но узнаваемым изображением, снятым с камеры наблюдения соседнего дома. «Разыскивается по подозрению в убийстве». Имя дяди Серёжи гремело в новостях. Наконец-то о нем заговорили. Но говорили о нем как о жертве.

А меня искали как маньяка.

В тот вечер, вернувшись домой, я подошел к своей доске. Не перечеркнутым оставалось лицо дяди Серёжи. Я снял бумагу, смял в комок и бросил в урну. Миссия была завершена. Но вместе с ней укорачивался срок моей свободы.

Я смотрел в окно на вечерний город. Где-то там, в отделе полиции, следователь по имени Роза уже открывала папку с делом «серийного убийцы». Она изучала почерк. Случайный взлом в гараже Круглова. Анонимные письма по делу судьи Орловой. И теперь – грубое, уличное убийство. Она складывала пазл.

Охота началась. И впервые за долгие годы я почувствовал не холод инструмента, а ледяной укол страха. Не за себя. А за то, что мое дело умрет вместе со мной. Что последствия моего падения перевесят все, что я совершил.

Я был последствием. И теперь за мной самим шли последствия единично допущенной ошибки.

Глава 2

В городе появляется таинственный мститель. Он наказывает тех, кто избежал правосудия. Полиция в тупике.

Папка ударилась о мой стол с глухим стуком, поднимая облачко пыли. Третья за этот месяц. «Смерть в результате несчастного случая». Виктор Семёнов, строительный подрядчик. Взорвался в собственной машине. Техническая экспертиза разводила руками: «Древний автомобиль, неисправность топливной системы». Но что-то щемило внутри, какое-то шестое чувство, которое не давало мне просто поставить галочку и закрыть дело.

Я откинулась на спинку стула, закрыла глаза. За последние полгода в городе случилось слишком много «несчастных случаев» с людьми, у которых, мягко говоря, была небезупречная репутация.

Был Олег Петров. Угорел в гараже после вечеринки. Два года назад он отсидел условный срок за смертельное ДТП в пьяном виде. Вышел и через месяц сбил насмерть старушку.

Суд снова принял его сторону. А теперь – могила.

Потом – Ирина Белова, чиновница из опеки. Её Mercedes не вписался в поворот на идеально ровной дороге. Посмертно всплыли факты о взятках и передаче детей в сомнительные семьи. Её гибель списали на невнимательность.

И вот теперь Семёнов. Его фирма была замешана в скандале с обрушением хрущёвки, погибли люди. Нашёлся «стрелочник», а сам Семёнов давал пафосные интервью.

Случайность? Статистическая погрешность? Мой начальник так и считал. «Роза, не ищи черную кошку в тёмной комнате. Иногда сигарета о быстросъёмной муфте – это просто сигарета о быстросъёмной муфте».

Но я не могла. Я распечатала фотографии всех троих и развесила на маркерной доске в своём кабинете. Петров. Белова. Семёнов. Что их связывало? Все они были замешаны в громких историях, все вышли сухими из воды. И все мертвы. Слишком аккуратно. Слишком... удобно.

Я спустилась в архив, потребовала дела за последний год. Не те, что лежали на поверхности, а те, что были списаны в «несчастные случаи» и «бытовуху». Я искала узор. И я нашла его.

Алексей Воронов, мелкий ростовщик. Нашли в своём офисе с перерезанным горлом. Ограбление. Но ничего не пропало. Зато пропали долговые расписки десятков людей, которых он доводил до самоубийств.

Марк Ковалёв, судья. Умер от сердечного приступа в бане. Естественные причины. Но я помнила, как он пару лет назад закрыл дело о нападении на журналистку, заявив, что «недостаточно улик». Нападавший отгулял на свободе и через месяц избил ещё двух человек.

Я добавила их имена на доску. Паутина росла. Петров, Белова, Семёнов, Воронов, Ковалёв... Все – звенья в одной цепи. Цепи безнаказанности, которая кто-то методично разрывал.

– Ты опять за своё? – мой коллега, Сергей, поставил передо мной стаканчик с кофе. – Смотрела бы лучше дела о настоящих грабежах. А не за призраками гонялась.

– Они связаны, и я это докажу – с холодной уверенностью проговорила я.

– Чем? Тем, что все они были не ангелами? Так это полгорода жителей. Ты думаешь, за ними охотится Робин Гуд?

Робин Гуд... Нет. Это не благородный разбойник. Убийство Воронова было жестоким. Взрыв в машине Семёнова – демонстративным. А «несчастные случаи» с Беловой и Ковалёвым – хладнокровными и изощрёнными. Это сделал не один человек. В работе должна быть замешана группа. Организация. Кто-то, у кого есть информация, ресурсы и железные нервы.

Я подошла к доске и провела красным маркером линии между всеми именами. Получилась кривая звезда. Кто стоял в её центре? Кто мог знать обо всех этих людях? Видеть их грехи? Судья? Полицейский? Журналист?

Я взяла блокнот и выписала имена всех, кто фигурировал в их делах – потерпевших, свидетелей, обвинителей. Сотни имён. Зацепка должна была быть здесь. Кто-то, кто появлялся на периферии каждого из этих дел. Тень.

Мой телефон завибрировал. Дежурный.

– Роза, выезжайте. Труп в панельном доме на Ленина, 45. Мужчина. Предварительно – умер от удара головы о металлический козырек. Возможно, ограбление.

Новое имя для моей доски. Я чувствовала это нутром. Я

посмотрела на паутину из имён и фотографий. Призрак обретал плоть. Один неверный шаг – и он наш.

Я взяла сумку и куртку.

– Поехали. – сказала я напарнику. – Возможно, наш «Робин Гуд» наконец-то остутился.

Тот самый панельный дом на Ленина, 45. Уже рассветало, серый, тоскливый свет заливал покрытый глубокими трещинами асфальт и грязно-рыжие гаражи. Место оцеплено, шелкают затворы служебных фотоаппаратов. Тело уже увезли, но на земле оставался меловой контур и темное, почти черное пятно, впитавшееся в бетон.

– Жертва – Сергей Михеев, 48 лет, – доложил участковый, сверкая очками. – Местный алкоголик и дебошир. Неоднократно судим за хулиганство. Предположительно, возвращался из бара, на него напали, ударили, забрали кошелек и телефон. Грабеж.

Я обошла место по кругу. «Ограбление». Слишком уж удобно. Слишком вписывалось в картину ночного города. Но что-то было не так.

– Кто нашел?

– Соседка, – кивнул участковый на женщину в халате, стоявшую у подъезда. – Баба Галя. Говорит, из окна увидела.

Я подошла к ней. Невысокая старушка с трясущимися руками вызывала чувство вины из ниоткуда.

– Вызвала скорую? – мягко спросила я.

– Да нет... Я... я сразу в полицию, – она отвела взгляд. – Он уже не дышал.

Ее испуг был неестественным. Не просто шок от увиденного трупa. В нем была какая-то давняя, знакомая опаска.

– Вы его знали? – спросила я.

Она кивнула, сглотнув. – Сосед. Он... он нехороший человек был. Спивался. Жену бил.

Последние слова она прошептала, почти не разобрать.

– Жену? – переспросила я. – Она жива?

– В больнице она, – женщина мотнула головой. – Месяц назад он ее так избил, что позвоночник повредился. Инвалидом осталась. А его... ничего ему не было. Участковый при-

ходил, так он сказал, что она сама упала. Она и подтвердила, боялась его.

Ледяная игла прошла по моему позвоночнику. Еще один. Еще один безнаказанный. Еще одна «жертва», которая на деле была палачом.

Я вернулась к напарнику.

– Это не ограбление.

– Опять начинается? – он устало потер переносицу. – Ал-каша убили. Бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.